

К тому времени как Сяо Пин наелся и отложил палочки, мысли Ли Юйняня витали уже далеко.

— Сяо Нянь, ты закончил? — Сяо Пин придвинулся поближе, заметив, что его собеседник совсем потерялся в своих мыслях.

Вздрогнув от его голоса, Юйнянь вернулся к реальности. Сяо Пин уже закончил с едой и теперь просто сидел напротив, не сводя с него глаз.

— Уже всё? — Юйнянь удивлённо наблюдал, как тот непривычно споро собирает со стола посуду. — Оставь, я сам приберу. Ты ведь только с дороги, почему не пойдёшь прилечь?

— Не стоит, мне скоро уходить в офис. И потом... — он запнулся, будто собираясь с духом, — разве ты не хочешь спросить о нас с Ду Хайнянем?

Юйнянь никогда не заводил об этом разговор первым. Но это вовсе не значило, что он обо всём забыл.

— Решил во всём признаться? — Юйнянь столько времени ждал этого момента, надеясь получить хотя бы простое объяснение.

Раньше он молчал лишь потому, что боялся разрушить хрупкий уют, воцарившийся между ними. Но раз уж Сяо Пин сам завёл этот разговор, это само по себе было важным шагом.

Для Сяо Пина его прошлая привязанность некогда была чем-то священным и особенным. Но теперь всё могло измениться.

Разговор обещал быть долгим, поэтому они перебрались из столовой в гостиную.

Юйнянь налил каждому по стакану воды и, устроившись на диване, мягко нарушил молчание:

— Ну так что, сегодня ты готов выложить мне всё как на духу? — в его голосе, обычно тихом и мягком, сейчас зазвучали непривычно лёгкие, почти хрустальные нотки — сказывалось внезапное облегчение. Но привычная нежность никуда не исчезла.

Сяо Пин сделал глоток, пытаясь унять нарастающую тревогу.

— Спрашивай о чём угодно, я всё расскажу. Ничего не стану скрывать — ни про себя, ни про Ду Хайняня.

Он честно намеревался открыть душу, но, оказавшись лицом к лицу с необходимостью говорить, всё равно разнервничался. Пальцы, сжимавшие стеклянные грани стакана, в

считанные минуты взмокли от пота.

— Мы с Хайнянем знакомы с самых ранних лет, — начал он издали. — В то время наши семьи были невероятно близки. Моя мать и тётя Ду дружили со школы, не разлей вода. Когда мне исполнилось три года, тётя Ду забеременела. Мама тогда часто шутила и твердила мне, что в животе у тёти Ду растёт моя будущая невеста.

Сяо Пин был совсем несмышлёнышем, а родители и тётя Ду изо дня в день твердили ему одно и то же. Ребёнок, конечно, принял глупую взрослую шутку за чистую монету и крепко-накрепко запечатлел её в памяти.

Но вот подошёл срок, и на свет появился здоровый карапуз — мальчишка, а вовсе не долгожданная девочка. Мечты двух семейств о красивом союзе рассыпались в прах, однако маленький Сяо Пин, которого больше полугода настраивали на скорую свадьбу, уже не мог выбросить эту мысль из головы.

«Ду Хайнянь станет моей женой» — упрямо твердил он себе.

Это нелепое заблуждение пустило глубокие корни в его детском сознании, и никто из взрослых даже не подумал его поправить. Напротив, все умилялись их дружбе. Они росли неразлучными, деля на двоих все секреты, поэтому их подростковая привязанность и нежность ни у кого не вызывали подозрений. Родственники спохватились лишь тогда, когда их тайная связь внезапно выплыла наружу.

Позже, когда Лян Фэн раскрыл их секрет, это стало для всех громом среди ясного неба.

И Ду, и Сяо были влиятельными, уважаемыми фамилиями в Городе А, дорожившими своей репутацией. Они не могли позволить собственным наследникам превратить свои имена в посмешище для всего высшего света.

Пока несчастный Ду Хайнянь стоял на коленях перед суровым дедом, умоляя о понимании, главы обоих семейств за закрытыми дверями хладнокровно решали, как поскорее развести их в разные стороны — желательно так, чтобы они больше никогда в жизни не пересеклись.

В итоге Хайняня насильно сослали в Великобританию под предлогом продолжения учёбы живописи. Сяо Пину же преподнесли это под совершенно другим соусом: ему сообщили, будто возлюбленный сам принял решение уехать за границу ради блестящей карьеры, сознательно вычеркнув его из своей жизни.

Сначала он наотрез отказывался верить в это предательство. Они ведь клялись друг другу выдержать любой натиск, стоять до конца! И вдруг — Хайнянь просто сбежал, бросив его разгребать руины в одиночку.

Подобный удар едва не сломал его.

Сяо Пин взял академический отпуск на целый год, безуспешно пытаясь выйти на след пропавшего друга. Но все каналы связи были заблокированы, а его попытки наткнулись на глухую стену молчания. Лишь тогда, обессилив от бесплодных поисков, он смирился, принял волю семьи и уехал в США изучать финансы.

Но именно в тот переломный момент Чжоу Юань ухитрился передать ему короткую записку.

Хайнянь сумел отправить её через общего друга, буквально умоляя того связаться с Сяо Пином.

Из этого сбивчивого послания выяснилась правда: дед лично увёл его под конвоем на борт самолёта, предварительно отобрав телефон и документы. В Великобритании за каждым его шагом следили нанятые люди, лишив малейшей возможности сбежать назад. В письме Хайнянь клялся в вечной любви и просил дожидаться его возвращения после выпуска — тогда они наконец смогут воссоединиться.

Как оказалось, старый господин Ду пообещал внуку: если по окончании учёбы их чувства выдержат испытание разлукой и временем, он больше не станет чинить им преград.

Наверное, в этом и заключалась суровая мудрость старика, сделавшего ставку на неизбежное угасание юношеского пыла.

Но когда долгожданный срок подошёл к концу, Хайнянь не прилетел. Сяо Пин, словно безумный, трое суток провёл в зале ожидания международного аэропорта, вглядываясь в лица пассажиров каждого прибывающего рейса, пока служба безопасности вежливо, но твёрдо не попросила его покинуть здание.

Этот день раздавил в нём последние крупницы прежнего романтика. Сяо Пин замкнулся в себе и послушно пошёл по указанной родителями колее: устроился в семейную корпорацию рядовым клерком, с головой уйдя в рутину.

Спустя год унылой кабинетной лямки, во время очередной деловой поездки, судьба столкнула его с Ли Юйнянем.

Сбивчивая, полная горьких воспоминаний исповедь подошла к концу. Юйнянь молчал, не зная, что сказать. Семь лет, проведённых им бок о бок с этим человеком, всегда казались ему целой вечностью, прочным фундаментом их совместной жизни. Но теперь эта уверенность дала глубокую трещину.

Разве может пришелец со стороны тягаться с незримой связью тех, кто рос вместе с колыбели, разделяя общие детские сны и клятвы?

— Вот и вся история, — подвёл черту Сяо Пин, стараясь говорить как можно ровнее. — В юности мы действительно любили друг друга, но судьба распорядилась иначе. Мы разошлись, и горевать тут больше не о чем.

Голос партнёра звучал на удивление отстранённо, но у Юйняня на душе скребли кошки.

Он невольно пытался представить, как безумно они были влюблены когда-то. Их связывала не просто общая юность — их союзом бредили с самого рождения. Эта многолетняя невидимая нить казалась настолько прочной и непреодолимой, что против неё Юйнянь ощущал себя совершенно безоружным.

В комнате повисла гнетущая тишина.

Сяо Пин молчал, выплеснув всё, что копилось годами, и теперь чувствовал себя опустошённым.

Юйнянь же, напротив, тонул в лавине собственных мыслей и никак не мог подобрать нужные слова.

— А что теперь? — наконец тихо спросил он. Юйнянь не поднимал глаз от стеклянного стакана на столике, а его голос едва заметно подрагивал, словно он боялся нечаянным вздохом всколыхнуть зеркальную гладь воды.

— Прости, что? — Сяо Пин встрепенулся и поднял голову.

То ли вопрос прозвучал слишком тихо и неожиданно, то ли сказывалось нервное перенапряжение последних минут, но Сяо Пин действительно не расслышал вопроса.

Вместо того чтобы повторить, Юйнянь медленно поднял голову и посмотрел собеседнику прямо в глаза.

Смятение.

Ожидание.

Сяо Пин смотрел на него во все глаза, жадно улавливая малейшее движение ресниц, пытаясь предугадать приговор.

Пожалуй, впервые за долгие годы совместной жизни Юйнянь видел во взгляде партнёра такую отчаянную мольбу.

Вот только горькая ирония заключалась в том, что причиной этой уязвимости был призрак из прошлого.

— Пустяки. Мне просто интересно... почему ты утаил от меня возвращение Ду Хайняня? Я ведь мог пойти встретить его вместе с тобой.

Именно эта ложь ранила сильнее всего. Если былая страсть действительно перегорела и превратилась в пепел, к чему были эти детские прятки?

Сяо Пин замялся, не находя убедительных оправданий.

О том, что Хайнянь собирается прилететь на пару месяцев, он узнал ещё неделю назад от Чжоу Цина, старшего брата Чжоу Юаня. У него было целых семь дней, чтобы спокойно подготовить Юйняня к этой новости, но каждый раз он малодушно откладывал этот разговор на потом.

Словно какая-то внутренняя трусость мешала ему признаться. Они засыпали и просыпались в одной постели, ужинали за одним столом, вели привычные беседы — и ни разу, ни единым словом он не обмолвился о грядущей буре.

Дело было не в отсутствии подходящего момента. Он просто отчаянно противился этой мысли.

Вчера вечером, когда деловая встреча завершилась и он уже собирался ехать домой, раздался звонок от Чжоу Юаня: «Хайнянь приземлился». Написать короткое сообщение или набрать номер Юйняня заняло бы от силы минуту. Но Сяо Пин этого не сделал. Он просто бежал от неизбежного столкновения двух своих миров.

Он панически не хотел, чтобы Юйнянь вмешивался в его прошлое.

Разумеется, это вовсе не означало, что он лелеял глупые надежды воскресить прежний роман. Сейчас его жизнь принадлежала Юйняню, и нарушать их союз Сяо Пин не собирался. И всё же необъяснимый страх сковал его волю.

— Он... прилетел ненадолго, по делам, — попытался уклониться от прямого ответа Сяо Пин. — Всего пара месяцев, а потом улетит обратно. Так что это не имеет значения.

Юйнянь промолчал. Он лишь едва заметно, грустно, но по-прежнему мягко улыбнулся.

— Юйнянь, послушай, — Сяо Пин придвинулся вплотную, встревоженный этим безмолвным выражением лица. — Если возникнет необходимость увидеться с ним снова, я обязательно предупрежу тебя. Пойдём вместе. Обещаю, я больше ни разу не встречу с ним один на один.

Юйнянь спокойно выслушал эти заверения. Он медленно сделал ещё один глоток воды,

проигнорировав чужую ладонь, осторожно приобнявшую его за талию.

— Сяо Пин, а почему ты вчера так и не приехал домой? — Юйнянь мягко перевёл тему, оставив расспросы о Хайняне. — Даже если ты сильно перебрал, ребята вполне могли вызвать такси или привезти тебя сюда.

Всю эту бесконечную ночь он то проваливался в тревожный сон, то испуганно просыпался, вслушиваясь в шорохи за дверью и ожидая щелчка замка.

Но Сяо Пин так и не появился.

И дело было не в банальной ревности, а в тревожных мелочах, которые Юйнянь подметил, как только тот переступил порог квартиры на рассвете.

У Сяо Пина имелись крошечные сонные привычки, о которых сам он, скорее всего, даже не подозревал. Зато Юйнянь за годы совместной жизни выучил их наизусть.

Пиджак и рубашка вернувшегося мужа выглядели помятыми, но это была не та «сонная» помятость. Когда Сяо Пин засыпал, он неизменно поворачивался на левый бок и во сне неосознанно задира рукава почти до локтей — из-за чего те у локтевых сгибов превращались в сплошную жеваную гармошку.

На сегодняшнем же костюме складки залегли совсем иначе — неглубокие, хаотичные, словно в этой одежде просто дремал на неудобном диване, а не провел полноценную ночь в кровати.

— Меня вчера Чжун Чи взял в оборот, — со вздохом признался Сяо Пин. При одном воспоминании о вчерашней попойке у него до сих пор ныли виски. — Напоил так, что я лыка не вязал. Ты же знаешь, какой он буйный во хмелю.

— И ты решил остаться в комнате отдыха при клубе? — Юйнянь накрыл ладонью его пальцы, покоящиеся у себя на талии, давая понять, что внимательно слушает.

— Мы оба были мертвецки пьяны. Спасибо Лян Фэну — он вовремя вернулся в зал и растащил нас по номерам, — из-за дикого похмелья Сяо Пин с трудом восстанавливал хронологию вчерашнего хаоса. — Помню только, как рухнул на постель и мгновенно отключился. Больше — провал. Но клянусь тебе, Юйнянь, я пальцем никого не тронул.

Пользуясь моментом, Сяо Пин осторожно, но настойчиво притянул его к себе и крепко обнял. Юйнянь не стал сопротивляться — послушно притих в его руках, согретый чужим теплом.

Чувствуя, как горячо дышит ему в затылок Сяо Пин, он мысленно отпустил все подозрения и теснее прижался к его груди.

— Хорошо. Только помни о своём обещании: если соберёшься встретиться с ним снова, дай мне знать заранее.

«И больше никогда не устраивай мне таких сюрпризов», — мысленно добавил он.

<http://bllate.org/book/18418/1768515>